

ГИППОКРАТ

*460 год до н. э., остров Кос – 370 год до н. э., Ларисса
Древнегреческий целитель, врач и философ,
прозванный «отцом медицины».*

КЛЯТВА

Оркос Jusjurandum

Клянусь Аполлоном врачом, Асклепием, Гигией и Панахеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: почитать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому.

Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду проводить свою жизнь и свое искусство.

Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающим-

ся этим делом. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому.

ЗАКОН

Νόμος
Lex

•
*Медицина поистине
есть самое благородное
из всех искусств.*
•

Но по невежеству тех, которые занимаются ею, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, она далеко теперь ниже всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно не отделимо.

Мне кажется, что эти последние весьма похожи на тех лиц, которых выпускают на сцену в трагедиях, ибо как те принимают наружный вид, носят одежду и маску актера, не будучи, однако, актерами, так точно и врачи; по званию их много, на деле же — как нельзя менее.

Тому, кто захочет приобрести себе действительное познание медицины, необходимо иметь: природное расположение, обучение, удобное место, наставление с детства, любовь к труду и время.

Итак, прежде всего необходимо природное расположение; если природа противодействует, — все тщетно; если же она сама показывает путь ко всему наилучшему, тогда уже совершается изучение искусства, которое должно приобретать себе с разумением, пользуясь наставлением с детства и в месте, от природы хорошо приспособленном для науки.

Сюда же необходимо еще присоединить многолетнее прилежание, чтобы учение, укоренившись прочно и глубоко, приносило зрелые плоды.

В самом деле, зрелище того, что рождается из земли, показывает то же, что изучение медицины. Действительно,

•
*природа наша — это поле,
а наставления учителей — семена.*
•

Обучение, начатое с детства, соответствует благовременному сеянию, а место, приспособленное для учения, — окружающему воздуху, из которого обыкновенно заимствует себе пищу все, что рождается из земли. Трудолюбие — это есть земледелие. Время же все это укрепляет для полной зрелости.

Когда все эти условия для медицинского искусства совмещены и приобретено истинное знание его, тогда только обходящие города для практики не только на словах, но и на деле признаются за врачами.

Но неопытность — плохое сокровище и плохое имущество для своих обладателей; ни во сне, ни наяву благодущию и душевной радости не причастная, она для трусости и дер-

зости — кормилица. Но ведь трусость знаменует бессилие, дерзость же — неискренность.

•
*Ибо есть две вещи:
наука и мнение;
из них первая рождает знание,
а второе — невежество.*

•

Но священные действия показываются только людям посвященным, профанам же — не прежде, чем они будут введены в таинства науки.

О ВРАЧЕ

Περὶ ἰητροῦ De medico

Врачу сообщает авторитет, если он хорошего цвета и хорошо упитан, соответственно своей природе, ибо те, которые сами не имеют хорошего вида в своем теле, у толпы считаются не могущими иметь правильную заботу о других. Затем, ему прилично держать себя чисто, иметь хорошую одежду и натираться благоухающими мазями, имеющими запах не подозрительный, ибо все это обыкновенно приятно для больных.

Должно также ему наблюдать все это и в отношении духа; быть благоразумным не только в том, чтобы молчать, но также и в остальной, правильно устроенной жизни. И это наиболее принесет ему помощь для приобретения славы.

Пусть он также будет по своему нраву человеком прекрасным и добрым и, как таковой, значительным и человеколюбивым. Ибо поспешность и чрезмерная готовность, даже если бывают весьма полезны, презираются. Но должно наблюдать, когда можно пользоваться всем этим, ибо одни и те же приемы у одних и тех же (больных) ценятся, когда они редки.

Что касается до внешнего вида врача, пусть он будет с лицом, исполненным размышления, но не суровым, потому что это показывает гордость и мизантропию. Тот врач, который изливается в смехе и сверх меры весел, считается

тяжелым, и этого должно в особенности избегать. Он должен быть справедливым при всех обстоятельствах, ибо во многих делах нужна бывает помощь справедливости, а у врача с больными — немало отношений: ведь они поручают себя в распоряжение врачам, и врачи во всякое время имеют дело с женщинами, с девицами и с имуществом весьма большой цены, следовательно, в отношении всего этого врач должен быть воздержным. Итак, вот этими-то доблестями души и тела он должен отличаться.

Что же касается тех правил, которые относятся к врачебному искусству, с помощью которых можно сделаться искусным в этом деле, то следует обозреть сначала то, с чего человек начинает учиться. Поэтому лечение в кабинете врача (в лечебнице) — первое дело учащихся. Прежде всего нужно иметь место удобное; а это будет в том случае, если ни ветер проникающий не приносит тягости, ни солнце или блеск не будут беспокоить.

Яркий свет, хотя не тягостен для лечащих, не таков, однако, для тех, которые лечатся, поэтому всячески должно избегать такого блеска, от которого глаза обыкновенно получают вред. Это именно предписывается на счет света. А также, чтобы лицо никоим образом не было обращено к солнечным лучам, ибо это очень поражает зрение, когда оно слабо, а всякий удобный случай может расстроить слабые глаза.

Итак, светом нужно пользоваться таким образом. Стулья же должны быть насколько можно равной высоты, чтобы были по больным. Не должно быть никакого употребления меди, кроме как в инструментах, ибо пользоваться такой утварью представляется мне неподходящей роскошью. Вода для тех, которые лечатся, должна доставляться

пригодная для питья и чистая. Вещи для вытирания надо употреблять чистые и мягкие, именно, для глаз — полотенца, а для ран — губки, ибо это само по себе, кажется, хорошо помогает. Все же инструменты должны быть удобны для употребления по своей величине, весу и тонкости.

Должно обращать внимание, чтобы все, что применяется, приносило пользу, и, в особенности, все, что должно прикасаться к страдающей части тела, именно: повязки, медикаменты, а также приложенные к язвам полотенца и пластыри, так как они долгое время находятся на больных местах. Напротив, все то, что следует после, именно: отнятие всего приложенного, также освежение, очищение и обливание водою, требует лишь некоторого малого времени. И где что должно делать больше или меньше, на это следует обращать внимание, ибо благовременное употребление того и другого и неделание имеют большое различие.

Медицинской называется такая перевязка, от которой получает пользу тот, кто лечится. Но здесь наиболее помогают две вещи, которыми должно пользоваться: сжимать, где следует, и нетесно обвязывать. И в этом случае должно смотреть на времена года, когда должно плотно бинтовать, а когда — нет; да и от самого больного не скрыто, что из двух когда должно применять. Повязки же изящные и сделанные на показ, как совершенно бесполезные, следует отвергать: непристойно это и отдает шарлатанством, да и вред они большею частью приносят тому, кто лечится, между тем как больной требует не украшения, а пользы.

Во всем том, что требует хирургического воздействия, сечения или прижигания, рекомендуется в равной мере скорость и медленность, ибо есть нужда в той и другой. Именно, у кого операция делается одним сечением,

разъятие следует делать быстро; ибо, так как приходится оперируемым страдать, причиняющее боль должно быть в них наиболее короткое время; а это будет, когда сечения выполняются скоро. Но где необходимо делать многие сечения, там должно употреблять медленную работу рук, ибо скорость причиняет непрерывную и большую боль; медленность же доставляет некоторое ослабление боли у оперируемых.

То же самое можно сказать об инструментах: пользоваться одинаково ножами острыми и широкими мы не рекомендуем во всех случаях, ибо некоторые части тела имеют быстрый напор крови, который удержать нелегко; таковы суть варикозно расширенные и некоторые другие вены; у таких сечения должны быть узкими, ибо тогда не может быть неумеренного излияния крови; иногда же полезно бывает извлечь кровь из них. В тех же частях, для которых нет никакой опасности и которые совсем не содержат тонкой крови, должно употреблять более широкие ножи, ибо тогда кровь потечет; иначе же — ни в коем случае.

•
*А не достигнуть того, чего желаешь,
через операцию — стыдно!*
•

Банки можно с пользой прилагать двумя способами. Именно, если истечение (*ревма*) будет существовать далеко от поверхности тела, горлышко ее должно быть малым, сама же банка — пузатой в той части, где она берется рукою, неудлиненной и нетяжелой; ибо, имея такую форму, она тянет в прямом направлении и хорошо отводит к телу далеко отстоящие мокроты (*ихор*).

Но когда боль будет распространена на большем протяжении тела, то в остальном банка пусть будет похожа на прежнюю, но горлышко у нее должно быть большое, ибо при таком условии ты найдешь, что она тянет, куда должно, из весьма многих частей болезнетворную материю: ведь не может горлышко, будучи шире, не захватывать мяса с большего места. А если банка тяжелая, то она направляет свое действие к более верхним частям, между тем, лучше делать извлечение из более низких частей, и часто болезни остаются в глубине. Когда истечения устанавливаются и далеко отстоят от более верхних частей, то широкие горлышки многое вместе извлекают из остальной кожи. Поэтому происходит, что влага, оттуда извлеченная, идет навстречу ихору, собранному из нижних частей, и все, что тягостно, остается, а что совсем не причиняет тягости, то отнимается.

Какая величина банки полезна, об этом должно заключать сообразно с частями тела, на которые она должна ставиться. Когда же делают надрезы, банка должна вытягивать снизу; необходимо видеть кровь оперируемых частей, в противном случае не должно даже и разрезывать привлеченного кружка, так как плоть большого места бывает более упругою. Ножички же должно употреблять вверху загнутые, не очень узкие, ибо иногда выходят влаги клейкие и густые: поэтому есть опасность, что они остановятся у надрезов, если эти последние будут узкие.

Плечевые вены должно удерживать повязками, ибо тело, которое покрывает их, у многих нехорошо соединено с веной, и, так как тело скользко, то случается, что сечения обоих не соответствуют друг другу; покрытая вена надувается, истечение крови получает препятствие и от этого у многих собирается гной. И хирургия такого

рода очевидно приносит двойной вред: оперируемому — боль, оперирующему — бесславие. Это же самое предписывается делать по отношению ко всем венам.

Итак, вот какие инструменты находятся в медицинском кабинете, которыми должен искусно пользоваться учащийся, ибо щипцами для вырывания зубов и для схватывания язычка может пользоваться всякий, так как употребление их представляется простым.

Что касается опухолей (нарывов) и язв, которые принадлежат к более серьезным болезням, то нужно признать за наибольшее искусство умение разрешать опухоли и препятствовать их сгущениям; затем стягивать их в место видное и как можно более узкое и самое возрастание делать равномерным во всей опухоли, ибо, если оно не будет равномерным, то есть опасность, что она прорвется, и сделается трудно излечимая язва. Итак, должно достигать равномерности, делая все одинаково зрелым, и как не вскрывать прежде времени, так и не допускать, чтобы само собой прорвалось. Но какие средства способствуют равномерному созреванию, об этом сказано в другом месте.

Язвы имеют, по-видимому, четыре способа распространения: один — в глубину, таковы фистулезные язвы и скрытые под рубцом, внутри полые; другой, когда они стремятся кверху,— это те, которые имеют сверху выросшее мясо. Третий род — в ширину; это так называемые ползущие. Четвертый путь — к рубцеванию или срастанию; он один, кажется, имеет движение по природе. Вот таковы-то страдания плоти.

Признаки их показаны в другом месте, и какое именно лечение должно употреблять: какими средствами разре-